

УДК 316.2:6

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ФИЛОСОФИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Е.Е. Михайлова, С.С. Бурухин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализированы воззрения Ю. Хабермаса на природу, типологию и смысловую значимость социального действия. Эффективность социального действия долгое время связывалась со степенью рационализации жизнедеятельности человека и общества. Учитывая современные условия информационного общества, Хабермас предлагает рассматривать эффективность социального действия в контексте коммуникативных интеракций. Социальное действие, в его трудах, представлено как результат субъект-субъектных отношений, инициированный практическим дискурсом. Эффективность социального действия зависит от ряда факторов: степень открытости обсуждения; временной интервал от введения нормы до ее признания всеми заинтересованными участниками интеракции; длительность обеспечения социальной значимости действия; моральная ответственность каждого актора.

***Ключевые слова:** Ю. Хабермас, общественное развитие, социальное действие, эффективность, коммуникация, ответственность, дискурс, норма, ценность.*

Идейно-теоретические воззрения Ю. Хабермаса концентрированы на проблеме современного общественного развития. По убеждению немецкого философа, проблема заключается в фундаментальном противоречии между динамикой капиталистического роста и усилением самосознания граждан, требующих большей степени политического участия, социальной справедливости и равенства всех участников коммуникаций. Со времени М. Вебера эффективность социального действия объяснялась преимущественно степенью рационализации жизнедеятельности человека и общества. С учетом современных реалий Хабермас пересматривает концепцию о формальной рационализации социального развития и формулирует новое понимание социального действия, результирующего как практический дискурс, сориентированный на консенсус.

Понятие и типология социального действия Хабермаса достаточно хорошо проанализированы исследователями (см.: [1; 3; 4; 8]). Однако вопрос об эффективности социального действия в литературе напрямую еще не поднимался. Между тем проблематика социальной эффективности как показателя общественного развития видится актуальной. Во-первых, усиливается сетевой формат взаимодействия на базе массмедийных и ИТ-технологий, во-вторых, становится динамичным пространство дискурсивных практик, которое может сужаться, расширяться, прерываться, изменять правила; в-третьих, углубляется кодово-символический характер коммуникаций, способный нюансировать действующий институциональный порядок или породить новые легитимные отношения [2]. Каковы критерии эффективности и каковы ценностные основания социального действия? Ответ на этот вопрос можно найти в трудах Хабермаса.

Как известно, Вебер векторно разделил социальное действие на четыре подвида: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. В основу такой типологии были положены ценностные представления человека, связанные с его способностью ставить цель, следовать веровательным представлениям, придерживаться традиции и чувственно реагировать на окружающую действительность. Хабермас, с одной стороны, соглашается с тем, что рационализация всех сфер жизнедеятельности человека и общества координирует и фиксирует общественное развитие, с другой стороны, комплекс основных понятий, связанных с западноевропейским рационализмом, разработанный Вебером, исчезает, обнаруживается «желание инструментально овладеть миром» [8, с. 10]. Усиливается тенденция, демонстрирующая, что притязания на истинность и правильность эксплицируются преимущественно дискурсивным образом, т.е. посредством прямого артикулирования тех или иных рациональных обоснований [6, с. 92].

В связи с этим в социальном действии Хабермас выделяет несколько видов: инструментальное, коммуникативное и стратегическое. Первое, инструментальное, действие – это действие, которое сориентировано на внешний объект и оказывает определенное воздействие на него. Два других вида социального действия – коммуникативное и стратегическое – порождаются субъект-субъектными отношениями. Коммуникативное действие входит в интеракцию и выражает суть признания субъектом притязания на значимость; стратегическое действие координирует коммуникативные потоки. Коммуникация в целом направлена на поиск смыслов, разрешение проблем, а стратегическое действие сориентировано на корректировку или изменение социальной системы.

Коммуникативные интеракции, по Хабермасу, – это такие взаимодействия, в которых участники согласуют и координируют планы своих действий. Искомым результатом коммуникативной интеракции видится консенсус. Согласие, по Хабермасу, – это интересубъективное притязание на значимость, выраженное в дискурсивной форме и одобряемое всеми заинтересованными участниками социального действия. Притязания на значимость – довольно сложный континуум, выражающий стремление к консенсусу и проявляющийся по-разному, в зависимости от того, к чему апеллирует говорящий. Как правило, это выглядит двояко: с одной стороны, притязание на истинность и правильность, с другой – притязание на правдивость. Если участник разговора ссылается на объективно существующий социальный порядок, то он стремится к достижению «истинности». Если в качестве аргумента приводится ссылка на действующий закон как регулятор взаимоотношений в данной социальной группе, тогда притязания на значимость получают форму притязания на «правильность». Если актер доверяет своим субъективным переживаниям и делится ими с остальными коммуникантами, тем самым он отстаивает «правдивость» своих суждений. Притязания на истинность и правильность эксплицируются дискурсивным образом, а притязания на правдивость – сквозь призму поведения самого человека, доказывающего, что у него отсутствует диссонанс между мыслями и делом [там же, с. 91].

Коммуникативное действие, в таком контексте, видится Хабермасу сориентированным на истинность и правдивость; стратегическое – на правильность. Именно в возможности выразить своими речевыми действиями притязание на значимость видится главное отличие коммуникативного действия от стратегического. Стратегическое действие координирует коммуника-

тивные потоки не посредством диалога, а путем принудительного воздействия (в негативном плане – через санкции, в позитивном – через вознаграждение). Хабермас рассуждает, что в стратегическом действии один актер воздействует на другого, угрожает применением санкций или рисует перспективы вознаграждения, и все это для того, чтобы *принудить* его к продолжению общения; в коммуникативном действии он делает то же самое, чтобы *предложить* другому рациональные мотивы присоединиться к нему в силу скрепляющего иллюкутивного эффекта [там же, с. 92]. Иллокутивный – высказывание, означающее нечто конкретное, например постановку цели, информирование, оценивание, приказ, просьбу и, что особо важно, озвучивание *обязательств* сторон. В результате консенсуса складываются «легитимно упорядоченные» межличностные отношения [там же, с. 96].

Формы координации стратегических действий могут быть разнообразными, диапазон их разбросан от прямого насилия и угрозы введения санкций до обещаний вознаграждения и привилегий. На этом фоне важной видится позиция соблюдения моральных обязательств. Мораль, в интенции Хабермаса, обладает заслуживающим доверия когнитивным содержанием, в силу чего имеет преимущество перед выше перечисленными нормами координации действий, которые, к тому же, еще и обходятся гораздо дороже [5, с. 53].

Эффективность социального действия видна тогда, когда в ходе обсуждения артикулируется реально значимая норма, хотя само артикулирование социально значимой нормы еще не говорит о том, что она действительна, т. е. «работает» на благо социального порядка и конституирует его легитимный характер. В социальных практиках – экономических, политических, образовательных и т. д. – важно понимать, на чем базируется утверждение нормы. В одних случаях речь идет о внутреннем рационально мотивированном *согласии*, достигнутом путем убеждения, в других – о внешнем *принуждении* посредством прямых санкций или угроз в отношении их введения. Диапазон между «ввести норму» и «признать норму» достаточно широк и сложен. Уникальным для понимания, подчеркивает Хабермас, является некий сплав согласия и смирения, образующий «веру в легитимность», компоненты которой вообще трудно выявить.

Учитывая все эти соображения, эффективность взаимосвязи коммуникативного и стратегического действий может проявиться в том случае, когда введение нормы как можно быстрее достигнет стадии ее признания и, более того, надолго обеспечит ее социальную значимость. Длительность введения и утверждения нормы зависит от многих обстоятельств. Этот процесс может осуществляться довольно быстро, например, под воздействием угрозы оружием или посулов материальных благ. Более длительный и сбалансированный характер процесса социальной легитимации тех или иных норм во многом зависит от того, насколько правильно выбраны и тематизированы в существующем контексте традиции рационального обоснования их введения. Нормы должны утвердиться в сознании населения таким образом, чтобы их социальная значимость воспринимались оправданно, чтобы им доверяли. «Применительно к современным обществам это означает: нет легитимности – нет лояльности», – справедливо констатирует Хабермас [6, с. 98].

Получается, что эффективность социального действия, в контексте рассуждений Хабермаса, связана со степенью социальной значимости какой-либо нормы, зависящей, в свою очередь, от признания ее действительности как

можно большим кругом адресатов. Существующий социальный порядок, конституируемый множеством социальных действий, оказывается легитимным в том случае, если ожидания населения, соответствующие притязанию на значимость норм, реально подкреплены действенным существованием этих норм, т.е. ожидания совпадают с предложением должествования. Формирование процесса социальной легитимации означает, по сути, достижение некоего консенсуса, побуждающего каждого субъекта межличностных отношений при взвешивании собственных интересов становиться на точку зрения всех остальных. «Согласно этике дискурса, та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (если могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [6, с. 104]. В основе такой модели действия, ориентированного на взаимопонимание, заложена перформативная позиция интерактивных участников, которые координируют свои действия с учетом достижения согласия по поводу происходящего. В структуру субъект-субъектных отношений включены три категории акторов: «говорящий», «слушающий» и «посторонний». Каждый участник, по сути, дискурсивно ограничивает друг друга. Осваивая данные правила, он учится выбирать в перформативной форме ролевые установки и трансформировать их, впоследствии, в силу необходимости, меняясь ролями с другими участниками интеракции [8, с. 307].

Началу социального действия должна предшествовать «реальная дискуссия». Под таковой понимается особым образом регламентированная форма межличностного общения. В замыслах Хабермаса, дискуссия – это «рефлексивная форма действия, ориентированная на достижение взаимопонимания» [6, с. 158]. Обсуждение вопроса может предотвратить возможные искажения в толковании общей цели и интересов каждого участника. Дискуссия должна включать два важных условия. Первое – участвовать в обсуждении вопроса должны все заинтересованные лица, второе – принятие решения должно оставаться доступным для дальнейшей критики и корректировки со стороны участников коммуникации. Последнее условие важно с точки зрения того, что принятое на данный момент решение отражает социальные и культурные ценности и нормы, которым следуют участники коммуникации. Однако скорость жизни такова, что ценности и нормы могут трансформироваться. Поэтому «пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды» [там же, с. 107].

Хабермас выводит понятие «практического дискурса», во многом иницирующего социально значимое действие. Практический дискурс нужен для проверки и оправдания действенности предложенных норм. Жизненный мир человека, окружающая его определенная социальная группа, конфликты, связанные с действиями в определенной ситуации, – это и многое другое придает смысл практическому дискурсу. Все его участники должны стремиться к согласованному решению. Практический дискурс всегда «открыт», тем самым он определяет темы и проблемы, которые предстоит разрешить. Открытость дискурса означает, что из внешнего мира в него привносятся условные содержания. Они как субъективные точки зрения подвергаются в ходе обсуждения взаимной корректировке и в своем новом синтезе начинают способствовать достижению консенсуса [там же, с. 163].

И здесь возникает вопрос о необходимости институционализации дискурса. Это сопряжено с несколькими трудностями. Во-первых, участниками дискуссии движут самые разные мотивы; во-вторых, процедура дискуссии требует чередования тем, регламентации высказываний; в-третьих, процедура дискуссии должна быть направлена на обеспечение релевантных требований участников, на оценку их компетенций. В связи с этим возникает потребность в институциональных мерах, способных нейтрализовать внутренние и внешние воздействия на принятие новых норм. Новая норма может приобрести легитимный характер, когда «принцип ее признания принимает методические условия правил дискурса» [там же, с. 146], когда она, без какого бы то ни было принуждения, оказывается признанной всеми участниками ее обсуждения. Это и есть, в интенции Хабермаса, принцип универсализации, обосновывающий трансцендентально-прагматическое регулирование дискурса. Действительность всех норм связана с дискурсивным волеизъявлением и волеобразованием всех потенциальных участников [7, с. 147].

Хабермас задается вопросом: можно ли рассматривать действие, нацеленное на взаимопонимание, и действие, ориентированное на достижение успеха, как возможность перехода от коммуникативного действия к стратегическому? И дает скорее отрицательный ответ. «Возможность *выбирать* между коммуникативным и стратегическим действием абстрактна в силу того, что она дана только в случайной перспективе отдельного актора. В перспективе жизненного мира, которому так или иначе принадлежит актор, эти два способа действия не находятся в свободном доступе. Ведь символические структуры всякого жизненного мира воспроизводят себя в формах культурной традиции, социальной интеракции и социализации, а эти процессы... могут быть осуществлены только через посредство ориентированного на взаимопонимание действия» [6, с. 161].

Культурные ценности имманентно включены в жизненный мир человека и содержат притязание на интерсубъективную значимость. Но они не могут с самого начала претендовать на нормативную значимость в строгом смысле слова. Хабермас считает, что они являются своего рода *кандидатами* на то, чтобы получить воплощение в нормах, которые должны способствовать осуществлению всеобщего интереса [там же, с. 164]. В связи с тем что этика остается для Хабермаса основанием легитимации, он выводит понятие «коммуникативная этика», которая способна обеспечивать «всеобщность допустимых норм и автономность действующих субъектов уже благодаря дискурсивной разрешимости притязаний на значимость норм» [7, с. 150]. В отличие от формальной этики Канта, ограниченной сферой личной морали, коммуникативная этика видится универсальной. Нормы могут претендовать на значимость не потому, что они продукт внутреннего должествования, а потому, что с ними согласны прямо или потенциально все заинтересованные лица в качестве участников дискурса. Тем самым нормы могут вступать в процесс дискурсивного волеобразования. Предметом дискуссии может стать и сам вопрос о том, какие секторы в каждом случае могут регулироваться посредством компромисса или формальных правил действия.

Содержание понятия коммуникативного действия, в сравнении со стратегическим, Хабермас раскрывает через несколько характеристик [6, с. 199].

Первая черта – стратегическое действие всегда ориентировано на успех, коммуникативное – на взаимопонимание. В *стратегическом* действии

под успехом подразумевается ситуация, когда участники интеракции сосредоточены на *последствиях* своих действий, когда они стараются достичь цели, оказывая разного рода *внешнее* воздействие на оппонента (сила, подкуп, угрозы, посулы, хитрость и т. д.). В таком соотношении степень кооперации действий субъектов и стабильность их отношений зависят во многом от удовлетворения интересов участников взаимодействия. *Коммуникативное действие*, в противоположность стратегическому, сориентировано на *внутреннюю* согласованность акторов относительно данной ситуации и ожидаемых последствий. Общим для обоих видов социального действия является способность акторов к целенаправленному действию. Отличием видится то, что стратегическая модель действия предполагает описание структур действия, ориентированного на успех, а коммуникативная модель действия, ориентированная на достижение взаимопонимания, определяет специфику условий, при которых будет возможно коммуникативное согласие [там же, с. 200].

Вторая черта – взаимопонимание в коммуникативном действии делает участников объединенными в единую и связную интеракцию. Они стремятся достичь рационально мотивированного согласия, свободного от насильственного воздействия или авторитетного признания. Взаимопонимание можно считать достигнутым, если каждый понимает, что надо не обязывать оппонента принять согласие, а аргументированно доказывать. Здесь следует принять во внимание, что противопоставление аргументации насилию не исключает необходимости принудительных норм, поскольку сегодня никто не может знать, в какой степени может быть ограничена агрессивность и достигнуто добровольное признание дискурсивного принципа обоснования [7, с. 147].

Третья черта – ситуация действия есть одновременно ситуация речи. Любое действие – это процесс овладения некой ситуацией. Коммуникативное действие – это процесс, ориентированный на осуществление плана действий и коллективного обсуждения возможности прийти к общему согласию. «*Ситуация* представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме. *Тема* возникает в связи с интересами и целями участников действия; она очерчивает релевантную область тематизируемых предметов. Индивидуальные *планы действий* акцентируют тему и определяют актуальную потребность во взаимопонимании, которая должна быть удовлетворена в ходе интерпретативной работы». В таком аспекте действующие лица попеременно принимают на себя коммуникативные роли «говорящего», «адресата» и «присутствующего» лица [6, с. 201].

Четвертая черта – фон жизненного мира образует контекст ситуации социального действия и одновременно поставляет внешние ресурсы. Коммуникативное действие видится Хабермасу как «круговой процесс», в котором положение актора двояко: с одной стороны, он является инициатором действий, нацеленных на овладение той или иной ситуацией; с другой стороны, он является носителем традиций, частью социальной группы, субъектом и объектом процесса социализации [8, с. 353–356].

Хабермас считает, что ресурсами для действия, ориентированного на достижение взаимопонимания, могут служить: устоявшиеся в культуре фоновые допущения; сплоченность групп на базе тех или иных ценностей; компетенции индивидов, образующих сообщество; культурные традиции. «В то время как сопряженный с той или иной ситуацией фрагмент жизненного мира

в качестве некоей проблемы надвигается на действующего индивида, так сказать, спереди, сзади его поддерживает жизненный мир, который не только образует *контекст* процессов понимания, но и предоставляет для них ресурсы. Тот или иной общий для многих жизненный мир предлагает определенный запас культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации в своих интерпретативных усилиях заимствуют устраивающий всех образец истолкования» [6, с. 202].

«Жизненный мир образует, таким образом, интуитивно уже заранее понимаемый контекст ситуации действия; в то же время он поставляет ресурсы для процессов истолкования, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации действия потребность во взаимопонимании. Но если участники коммуникативного действия хотят по взаимному согласию претворить в жизнь свои планы на основе общего понимания ситуации действия, то им приходится *договариваться* о чем-то происходящем в мире», – рассуждает немецкий философ [там же, с. 201]. По Хабермасу, внешний мир (объективный и социальный) – это совокупность объективно существующего порядка вещей. Исходя из этого, внешний мир является сферой, из которой черпается информация для речевых действий. Участники коммуникации называют события, происходящие в мире, апеллируют к действующим социальным законам, наконец, делятся своими субъективными переживаниями. Тем самым согласие в повседневной коммуникативной практике достигается тройко: на основе информации (пропозициональное знание), путем признания норм и через взаимное доверие.

Децентрированное миропонимание предполагает дифференциацию между внешним миром и жизненным миром. Чем больше углубляется эта дифференциация, тем яснее становятся различия между тем, что остается позади, и тем, что находится перед участниками коммуникации. «За спиной» – горизонт нетематизируемых самоочевидностей, «перед глазами» – то, что каждый участник конституирует в своем внутреннем мире в качестве содержаний коммуникации: *объекты*, которые он может воспринимать и ими же манипулировать; *нормы*, которые он может соблюдать или нарушать; *оценка*, личные переживания, которые можно манифестировать, т.е. выразить свое отношение к обсуждаемому вопросу [там же, с. 206].

Механизм коммуникативного действия, по Хабермасу, включает восприятие информации, понимание ее с учетом рациональной аргументации, передачу ее содержания другому и возможность ее критики, возможность оспорить ее притязания на действительность. Вслед за Р. Селманом, изложившем характеристику смены перспектив взаимоотношений между детьми, Хабермас рисует три ступени интеракции. На первой ступени – преконвенциональной – формируются две перспективы: перспектива участников взаимодействия и перспектива стороннего наблюдателя. На второй ступени – конвенциональной – эти две перспективы координируются воедино; акторы при совершении какого-либо действия, исходя из взаимонаправленных отношений, рассматривают самих себя в качестве непосредственных участников интеракции и в то же время понимают, что они являются и наблюдателями за своими действиями. Иными словами, участники коммуникации обладают свойством самореференции. На третьей ступени интеракции возникают новые, прежде разрозненные, но вновь собранные воедино перспективы взаимодействия [там же, с. 238].

Суммарно, на первой ступени (преконвенциональной) интеракции формируются ролевые типы действий, но они еще пока разрозненные (участник и наблюдатель). На второй ступени (конвенциональной) интеракции участники становятся способными выражать «интерсубъективный авторитет общей воли» (с одной стороны, через коммуникативные действия, регулируемые нормами, с другой – через стратегические действия); на этом этапе постепенно вызревает понятие о «значимости должествования». На третьей ступени интеракции (дискурсивной) расщепленность действия, поляризация между действиями в известной мере преодолевается. «В процессе аргументации ориентированная на достижение успеха установка соревнующихся сторон во всяком случае принимает коммуникативную форму, в которой иными средствами продолжается действие, ориентированное на достижение взаимопонимания [там же, с. 241]. В ходе аргументированной дискуссии оппоненты [противники, т.е. те, кто критикуют тезис в разговоре. – *Авт.*] и проponentы [защитники, т.е. те, кто поддерживают тезис. – *Авт.*] разрешают свое соперничество с помощью аргументов, стремясь убедить друг друга и таким образом прийти к консенсусу». Эффективность социального действия в такой диалектической ролевой структуре достигается не тогда, когда аргументы функционируют в качестве принуждения, а когда согласие достигается с помощью рационально обоснованных установок и аргументаций.

Структура децентрированного миропонимания порождает проблему дифференциации понятия обязанности. Понятие обязанности Хабермас относит не только к сфере соблюдения устоявшихся моральных заповедей, но к значимости осознания внутреннего должествования. Критическое и самокритическое высказывание по поводу действий других участников интеракции может выражаться в самых разнообразных эмоциональных реакциях – отвращение, обида, злоба, восхищение, лояльность, благодарность и др. Эти реакции и суждения отличаются тем, что они имманентно переплетены с рационально вменяемыми обязанностями [5, с. 53].

На постконвенциональной ступени интеракции вызревает и складывается *моральное* действие. Содержательно оно выражается в том, что участники, прошедшие рефлексивную проверку, должны проявлять способность к ответственным действиям. Их точка зрения уже не зависит от социального происхождения, культурного наследия или от политической принадлежности. Эту моральную точку отсчета они [участники интеракции] должны заимствовать из тех структур, в которых *всегда уже* обнаруживают себя участники интеракции, насколько они вообще действуют коммуникативно [6, с. 245]. По сути, на этой стадии интеракций участники, благодаря рефлексивному воспроизводству развертывающихся в их жизненном мире практик, должны распространять «удерживаемую перспективу» своего участия за пределы круга непосредственных коммуникантов [5, с. 54].

На этой третьей ступени интеракции идеализированная форма взаимонаправленности начинает определять совместные поиски истины, ведущиеся неким коммуникативным сообществом, которое «в принципе не имеет границ». Таким образом, этика дискурса, по Хабермасу, заключается в том, что практическое единство привычной повседневной коммуникации распадается на нормы и ценности. *Нормы* – это та часть практического дискурса, которая оправдана с точки зрения интересубъективного признания. *Ценности* – та часть

практического дискурса, которая не поддается морализации, это конфигурации суждений, интегрированные в том или ином коллективном или индивидуальном образе жизни [6, с. 147]. «Моральные вопросы» могут быть рационально разрешены в контексте общих интересов и справедливости (социальный мир). «Оценочные вопросы» подлежат рациональному обсуждению, связанному с индивидуальными потребностями, знаниями, нормами и ценностями самого человека (жизненный мир). В повседневном жизненном мире вопросы морали и ценности сливаются, т. к. на них можно ответить, исходя из очевидностей, как на конкретные вопросы; в рационализированном жизненном мире вопросы морали становятся тождественными вопросам справедливости [там же, с. 269].

Хабермас предупреждает о возможности ошибки «ложного самопонимания». Отдельный человек не способен дифференцировать коммуникативное и стратегическое действия. Для этого необходима связанность действий всех участников социального действия. «Связанность» – это прежде всего координация действия. Актор ожидает от партнеров определенной модели поведения, базирующейся на определенных правилах и обязанностях. Исходя из этих соображений, актер предъявляет и самому себе такие же требования и обязательства. Актор дает оценку самому себе и другим участникам (одобряет, упрекает, признает ошибку, приносит извинения, предлагает какое-либо возмещение и т. д. Связанность предполагает intersubjective признание моральных норм (привычных практик), которые убедительным образом определяют, что обязаны делать акторы и что они могут ожидать друг от друга. Слово «убедительным» означает обращение к нормам, принятым в данной общности. Нормы выступают как основание для выражения притязаний и критических позиций. Моральные правила действуют сами по себе. Их координирующая сила проявляется на двух взаимосвязанных ступенях интеракции: на первой ступени они непосредственно управляют социальным действием, связывая волю акторов и определенным образом ее ориентируя; на второй ступени они регулируют критические высказывания участников в конфликтной ситуации. «Мораль не только подсказывает, как должны поступать члены общности; она в то же самое время дает основания для достижения консенсуса и урегулирования тех конфликтов, к которым привели рассматриваемые действия» [5, с. 52].

В качестве выводов резонно отметить еще раз следующие положения.

Хабермас, ревизируя Вебера, заговорил о том, что эффективность социального действия следует рассматривать не только с точки зрения формальной рационализации (рамки, порядок, закон, право и т.д.), но и с точки зрения результативности коммуникативного рационального действия. Коммуникативное действие рассматривается как результат субъект-субъектных отношений, инициируемых практическим дискурсом, нацеленным на согласие и участие всех заинтересованных лиц. В согласии (не в насилии, не в смирении, не в подчинении) видится Хабермасу эффективность социального действия. Согласие может быть достигнуто в контексте проявления равномерного внимания ко всем участникам социального действия. Доминировать должно не монологическое решение, а коллективное. Этому способствует обязательная дискуссия, в ходе которой авторитарные ожидания замещаются поведенческими моделями, ориентированными на совместное участие и консенсус. Реальная дискуссия в форме практического дискурса ведет к последующей институционализации дискурса.

В трудах Хабермаса проанализировано инструментальное, коммуникативное и стратегическое действие. Инструментальное действие воздействует на внешний объект и не является результатом субъект-субъектных отношений. На базе интеракции между людьми осуществляются два других вида социального действия – коммуникативное и стратегическое действие. Общим для обоих видов является способность акторов к целенаправленному действию. Различными Хабермас считает следующие черты: коммуникативное действие входит в интеракцию; стратегическое – направляет коммуникативные потоки; коммуникативное действие всегда ориентировано на взаимопонимание, стратегическое – на результативность; коммуникация направлена на поиск смыслов, разрешение проблем, а стратегическое действие нацелено на изменение социальной системы; коммуникация выясняет смыслы, стратегическое действие связано с настройкой и перенастройкой социальной системы.

Таким образом, в статье выявлено новое понимание социального действия и его эффективности в трудах Хабермаса. Эффективность может быть инструментальная, связанная с непосредственными результатами труда (мы ставим цели и достигаем их определенными средствами), а может быть и стратегическая, нацеленная на перенастройку общества (мы хотим улучшить коммуникации). Эффективность социального действия зависит от целого ряда факторов, главными из которых являются те, которые связаны с практическим дискурсом: степень открытости обсуждения вопроса; промежуток времени от введения нормы до ее признания всеми заинтересованными участниками интеракции; длительность обеспечения социальной значимости действия; моральная ответственность каждого актора. Тем самым Хабермас поднимает проблематику социального действия до уровня общефилософского и общесоциологического понимания его эффективности.

Список литературы

1. Мельник Н.Н. Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции. М. Вебер, Ю. Хабермас, Х. Йоас // Социологический альманах. Минск, 2013. № 3. С. 260–266.
2. Клинкова Д.А., Михайлова Е.Е. Дискурсивное пространство информационного общества и социальная легитимация. Тверь: Изд-во «СФК-офис», 2015. 162 с.
3. Рассадин С.В. Дискурс «социального»: Властные интенции механизмов описания // Власть. 2012. № 6. С. 78–81.
4. Сладкова А.А. Совершенствование демократических институтов и процедур в перспективе теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Философия». 2013. № 4. С. 187–192.
5. Хабермас Ю. Вовлечение Другого: очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева; под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. 415 с.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачин; отв. ред. Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2006. 377 с.

7. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма: пер. с нем. Л.В. Воропай; общ. ред. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова. М.: Праксис. 2010. 264 с.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: пер. с нем. М.: Весь мир, 2003. 416 с.

SOCIAL ACTION'S EFFECTIVENESS IN JÜRGEN HABERMAS PHILOSOPHY

E.E. Mikhailova, S.S. Burukhin

Tver State Technical University, Tver, Russia

The approach of J. Habermas to social action's nature, its typology and meaning were analyzed within this article's format. Social action's effectiveness was traditionally associated with the degree of human and society life rationalization. Taking into the account the contemporary information society conditions, Habermas suggested that social action's effectiveness should be considered in communicative interactions context. Social action, he believed, is the result of inter-subjective relations initiated within the field of practical discourse. Social action's effectiveness depends on a number of factors: conversational openness degree, time interval starting from the norm introduction to its recognition by all interested participants of interaction, provided duration of meaningfulness of social action, and moral social responsibility of each actor.

Keywords: *Habermas, social development, social action, effectiveness, communication, responsibility, discourse, norm, value.*

Об авторах:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru.

БУРУХИН Святослав Сергеевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: sviatoslav_sb@mail.ru.

Authors information:

MIKHAILOVA Elena – Ph.D., Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru.

BURUKHIN Svyatoslav Sergeevich – Ph.D. student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University. E-mail: sviatoslav_sb@mail.ru.